

Алхимия духа

АЛЕКСАНДР ПАНФИЛОВ

Научись у Богов сверхспособностям

ОБРЕТИ СИЛУ СОЗНАНИЯ И НАПИШИ
СВОИ ПРАВИЛА СУДЬБЫ

Александр Владимирович Панфилов
Научись у Богов
сверхспособностям. Обрети
силу сознания и напиши
свои правила судьбы
Серия «Алхимия духа»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=35213210

*Научись у Богов сверхспособностям. Обрети силу сознания и напиши
свои правила судьбы/ Александр Панфилов: АСТ; Москва; 2018
ISBN 978-5-17-108630-5*

Аннотация

Автор вложил в эту книгу ментальные ключи к умению управлять своей судьбой посредством переписывания сценария как этого воплощения, так и наших далеких жизней! Ведь наше настоящее – лишь следствие прошлых побед и ошибок! А как изменится наша судьба, если мы по-другому проживем прошлые жизни? Что будет с людьми, если мы изменим ход событий своего прошлого воплощения? Какую силу обретем, если мы откроем для себя прошлые опыт и знания? Какими мы станем, когда обретем сверхспособности, которыми прежде обладали только

боги? Из воплощения в воплощение мы движемся спиралью событий, вызывающих в нас эффект дежавю, а люди, которые встречаются нам на жизненном пути, так необъяснимо знакомы нам. Начни творить свою историю прямо сейчас!

Содержание

Предисловие	6
Глава 1	8
Глава 2	18
Глава 3	23
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Александр Панфилов
Научись у Богов
сверхспособностям. Обрети
силу сознания и напиши
свои правила судьбы

© Панфилов А., 2018

© ООО «Издательство АСТ», 2018

Мир не такой, каким кажется.

Будущее в прошлом...

А. Панфилов

Предисловие

Этот исторический роман-фантастику я написал, не только исходя из собственной фантазии, но и опираясь на знания, существующие в далеких глубинах памяти, которые преподнесли мне в один прекрасный момент то, что может произойти или уже происходило в нашем мире. Я уверен, что ни одна книга не пишется исключительно личностью человека и его индивидуальными умозаключениями, но творится мирозданием через человека, давая ему поток информации из априори существующей концепции бытия, который ему нужно будет воплотить в жизнь в рукописи.

Мы не проживаем лишь одну жизнь, и нас впереди не ждет небытие, как считают многие скептики тонкого плана и энергий, а ждут многие и многие жизни, в которых мы можем отрабатывать законы добра или зла, света или тьмы. Не пытаюсь оскорбить чувства верующих или неверующих, я изложил версию бытия, дающую шанс и право на исправление наших ошибок, на исправление нашей судьбы, на исправление событий прошлого. Работа с прошлыми и будущими воплощениями важна с точки зрения понимания и исправления опыта. Все едины и равны перед мирозданием. Я уверен, что мы не должны быть рабами кого-то или чего-то, мы не должны быть рабами друг у друга – это претит нашему существу, которое стремится испо-

кон веков к Божественному началу как к равному себе, но не как к очередному хозяину, который закует нас в оковы веры или лжи, иллюзии или страха. В начале было слово, и слово было Бог. Замечательный писатель Сергей Алексеев, автор потрясающих романов, таких как «Сокровища Валькирии», «Аз Бога Ведаю», «Волчья Хватка» и многих других, говорил, что корень слова «слово» – ЛОВ или СЛОВ (что в целом практически одно и то же) – означает **Улавливать** или **Ловить**. Первым сигналом или смыслом, уловленным кем-то и когда-то, был Бог или, по славянской Буквице, – Боги, высшие существа, творящие все сущее.

По своему обыкновению, я заключил в книге не только повествование этой необычной истории, дающей нам очень много пищи для размышления, но и большое количество действительно рабочих практик, которые наш герой будет применять в реалиях его приключений и которые также легко применимы и в нашей жизни. **Ничего не беря на веру, но проверяя веру на знание, ты будешь не идти, словно агнец божий на заклание, но станешь ведающим человеком, который знает, а не верит.** Ищите практики на страницах моего романа и применяйте их в своей жизни.

Глава 1

Неожиданный вечер

Этим вечером в Москве на Чистых прудах проходило шоу двойников. Зал был амфитеатром и навевал мысли о древних временах, создавая соответствующую атмосферу. Я сидел на самом верхнем ряду, так что было видно не только сцену, но и каждый ряд этого «древнего» амфитеатра.

Шоу ни к чему не обязывало. Зрители просто смотрели, как одни пародисты сменяются другими, показывая свои номера. На сцене уже побывали и Элвисы Пресли, и Чарли Чаплины, и многие другие. Надо отдать им должное, люди профессионально подходят к данного рода состязаниям. Складывалось впечатление, что они, кроме этого искусства пародий, больше ничем в жизни и не занимаются, оттачивая свое мастерство день за днем.

Наступило время следующего номера, и тут же, без объявления сюжетной линии импресарио, на сцену вышел двойник Иисуса Христа, а за ним еще один, и еще один, и еще. Так на сцене я насчитал 33 человека. Тридцать три Иисуса Христа. Необычно и неожиданно, волнительно и трепетно. Зал замер в ожидании. Во всем амфитеатре наступила небывалая тишина. Иисусы выстроились по краю сцены в длинный ряд так, что каждый из них был не простой копией дру-

того, а будто это стоял один и тот же человек. Их молчание и выражение лиц, тела и дыхание вызывали у меня неконтролируемые волны мурашек, а сознание приходило в исступление, сменяющееся грандиозностью чего-то грядущего.

И тут они запели. Запели необычный и протяжный звук. Запели все как один, в унисон. Запели так, что эта тонкая вибрация проникала в каждую клеточку тела. Струящийся звук разливался по амфитеатру, заполняя все кругом. Такой живой и тягучий, такой плотный и легкий, такой знакомый и родной.

От этого звука в груди наливался комок боли и печали, переросший в подступающие к глазам слезы, появилось непреодолимое желание свернуться калачиком и уйти в себя, скрывшись от этого мира. Некоторые люди начали плакать, другие вставали на колени. Невероятное состояние крика души возникло у каждого человека, находящегося здесь. Каждый человек в этот миг созерцал только себя и свою боль, таящуюся в далекой глубине сознания и души.

Мой разум затуманился, а слезы застилали глаза: стало плохо видно и сцену, и амфитеатр, – но в этот миг я заметил какой-то яркий луч, бьющий мне прямо в лицо откуда-то сверху. Я решил посмотреть, что это за свет, и, подняв взгляд кверху, увидел... увидел лучи солнца, и в нос мне неожиданно ударил такой странный песочный запах, возникший в воздухе непонятно откуда.

Я стоял и смотрел на солнце, а моя грудь наполнялась жар-

ким и тягучим воздухом. Когда я опустил взгляд, увидел себя в форме римского legionera, стоящего посреди улицы какого-то южного, неизвестного мне города. Я видел толпы мимо проходящих людей, говорящих на непонятном мне языке, а их слова превращались в бесконечный гомон и крик. Я озирался вокруг, пытаясь понять хоть что-нибудь, пытаясь найти хоть что-то знакомое, но палящее солнце и смесь песка и пыли не позволяли мне осознать что-либо, забирая на себя все внимание, а где-то глубоко в душе вместе с щемящей болью нарастало тревожное предчувствие приближения чего-то необратимого.

Из этого состояния меня быстро вернул на землю центурион Лентул Крисп, как я позже это пойму, подойдя ко мне и сказав что-то на латинском языке. Но я все равно не понял ни единого слова. Это был какой-то странный язык, не похожий на те, что я изучал когда-то в институте. И я просто мотал головой – мол, ничего не понимаю, стоя в оцепенении как вкопанный, не произнося ни слова, за что в итоге и получил удар в лицо от центуриона. И пока мое тело медленно летело к земле, я подумал: «Слава Богу, это закончилось», – и сознание мое погрузилось во мрак.

Очнулся я в очень странном месте. Лицо болело. Я лежал на деревянной жесткой кровати, которая была столь узкой и до того неудобной, что на ней ты не отдыхаешь, а словно отбываешь наказание, к тому же эта кровать еще и воняла неопишуемым ароматом пота и помойки. Напротив сидел че-

ловек в такой же форме, как у меня. Увидев, что я очнулся, он с легкой улыбкой бросил в мою сторону какую-то фразу на латинском языке. Я вновь ничего не понял и просто потупил взгляд, пытаясь показать, что я не понимаю, о чем он говорит. А сам лишь старался вспомнить, как смотрел на солнце и как мне стало плохо в тот момент. Солнце. Плохо.

– Sol. Malum, – вдруг вылетели слова из моего рта.

– Sol. Malum, – повторил я еще раз и увидел реакцию легионера.

– Да-да, тебе стало плохо на солнце, Клеменс. У тебя, похоже, солнечный удар. Крисп тебя не пожалел. Ты же знаешь, насколько он суров к тем, кто не выполняет его приказы.

– Ты кто? Где я? Я Клеменс? – удивился я, приподняв брови так сильно, что невольно поднялись и мои уши. «Ну и видок же у меня, должно быть», – успел подумать я в этот момент.

– Странно и неожиданно, Клеменс, но, похоже, тебя срубило солнце, вернее, солнечный удар. Ладно. Пока лежи. Сообщу центуриону, что ты на сегодня болен и что тебе лучше отлежаться. Я скоро приду.

– А как тебя зовут? – крикнул я ему вслед.

– Корнелиус. Ну ты даешь, – сказал он, уже с улицы.

* * *

Я ничего не могу понять. Ну это же сто процентов сон.

Я помню, как был в зале. В амфитеатре на шоу двойников. Вышли эти Иисусы Христы. Они запели, потом солнце, и я очутился здесь.

Так-так, стоп. Я родился в Москве в 1988 году. Меня зовут Константин. Я работаю хирургом в «Склифе». Что вообще за ерунда происходит? Где я?!

Я поднялся с кровати, если ее можно было так назвать, и побежал за Корнелиусом. Выскочив из комнаты, очутился на одной из оживленных улиц какого-то города. На ней было много людей, они вели за собой коней, ослов или овец, несли на плечах кувшины, сумки с вещами, а лица их были обгоревшими и будто покрытыми толстым слоем пыли.

Как позже выяснилось, это был древний город Иерихо, находившийся в 30 километрах от Иерусалима. В свое время я читал про некоего царя, осадившего город и разрушившего его стены до основания вибрацией, издаваемой загадочными трубами, названными впоследствии иерихонскими. Пожалуй, это все мои знания о городе.

Я быстро вернулся в комнату, ибо мне стало не по себе от увиденного на улице и от непонимания происходящего. Я стал рассматривать все, что было вокруг, вернее сказать, чего вокруг не было, потому что в комнате, кроме двух кроватей, не оказалось больше ничего.

Мне оставалось только воспользоваться рациональным мышлением и проанализировать данную ситуацию.

Сев на кровать, я обратил внимание на небывалую силу

тела, какой у меня не было никогда. Больше не нужно было вытягивать живот, пресс сам держался и держал мой торс – и это было очень приятным чувством и, так сказать, бонусом в этом безумном действе. Я ощущал легкость и силу тела при одновременном невероятном его размере. Я был под два метра ростом – гигантом по сравнению с собой тем, прошлым. Или будущим.

Я закрыл лицо своими огромными ладонями. Перема- тывал воспоминание за воспоминанием. Школа, институт, практика, начало работы в «Склифе». Все верно. А кто я здесь, кроме того что я легионер где-то в городе Иерихо, на краю света?

Корнелиус вернулся и сообщил, что его приставили ко мне на сегодня, пока я не приду в себя и не смогу вернуться в строй.

«Это просто потрясающе, – подумал я. – Но мне, похоже, и вовсе не полегчает!»

– Товарищ Корнелиус, кто ты? Кто я? Что мы тут делаем?

– М-да... зря, видимо, Крисп тебя еще и по лицу прило- жил. У тебя и без того не все в порядке с головой, так еще и усугубилось все. Может быть, тебя отвести к медикам в ла- зарет?!

– Так, Корнелиус, смотри. Я сам врач – медик, я родом из Москвы, из России. Я был на шоу двойников. Я смотрел на Иисусов Христов, и тут меня ослепило солнце, и я очутился здесь!

– Дружище, Клеменс, кто ты? Откуда? Откуда ты родом? Маса? Ро... что?

Все, писец. Приехали. Меня в дурку их местную скорее всего отдадут. Лучше, наверное, помолчать.

– Клеменс, ты легионер. Родом ты из Апулии из Бари. Ты римский гражданин. Ты всю жизнь был воином и воином умрешь. Ты создан для войны. Ты лучший легионер в нашей когорте. Ты один стоишь пяти воинов. Вспомни наши сражения в Понте, в Фессалии, а восстание в Македонии?!

И тут я вошел в состояние ступора. Мое сознание начало туманиться и словно проваливаться в некий коридор воспоминаний, в голове и перед глазами пошли картинки и образы, я вспоминал фрагменты своего детства, как играл с сестрами на улицах родного Бари, что много южнее Рима. Как же я по ним скучаю. А этот теплый южный ветер, густой, как мед. Ты не дышишь им, ты пьешь этот вкуснейший воздух. А какие гигантские и прекрасные, словно солнце, словно золото, моря пшеницы, растянувшиеся до самого побережья.

И внезапно я вспомнил, как мы шли сюда, в эти проклятые пески, целых три месяца и как я сокрушался, почему мы не отправились из порта Брундизия в порт Тира напрямую на кораблях, чтобы не идти через полмира. Я вспомнил, как мы переплывали через Адриатическое море и шли через Греческие Афины на вторую переправу через Эгейское море в земли Анатолии, Древней Памфилии и Киликии.

И я, вскочив, с яростью подал руку Корнелиусу, показы-

вая, что все вспомнил и что рад ему. А сам старался понять, что это было за наваждение. Неужели просто солнечный удар?

– Ну слава богам, Клеменс. Всего-то надо было вспомнить о доме! Ох, это прекрасное и исцеляющее слово – Дом.

При слове «дом» у меня возникло два образа. Апулия и Москва. Теплый итальянский воздух и вечно мчащаяся Москва где-то там, в XXI веке. Я промолчал. Здесь что-то было не так. Я уверен, что это не просто видение или удар солнца. Я должен выяснить, что со мной происходит. Вот только у кого и как?

– Корнелиус, ты иди в расположение когорты, мне надо отлучиться ненадолго. Хочу задать кое-кому вопросы по поводу моего состояния.

– Давай, брат. Я прикрою тебя. Только ненадолго. Скоро сборы и построения. Через два дня выступаем в Иерусалим, будь он неладен! И причем при полной боевой выправке! И береги голову, не снимай шлем!!!

– Я успею. Буду к вечеру!

Самое умное, что я смог придумать для прояснения ситуации, – это найти каких-нибудь священнослужителей и расспросить их о том, что со мной происходит. Первым же храмом, вставшим на моем пути, был древний храм у подножия сорокалетней горы, принадлежавший фарисеям. Войдя в храм, я был встречен немилыми взглядами. Римский солдат мало где был любим, но закон сильнейшего делал свое

дело. Мы хозяйничали на большей части известного нам мира.

Подойдя и спросив у раввина о солнце и о видениях, я был обсмеян и отправлен на выход, как только закончил последнюю фразу. Раввин сказал, что я несу ересь в святом месте. Мне так захотелось его ударить, тем самым поставив на место этого святошу, но в голове тут же возник приказ центуриона мирное население Иерихо не трогать ни при каких условиях, возможны только оборонительные действия.

Выйдя, подобно порыву ветра, из храма со слегка диким взглядом, я вдруг увидел то, что не заметил ранее: неподалеку на пригорке стоял маленький храм с колоннами, похожий на наши величественные Римские храмы Богов. От храма исходило родное тепло дома и надежда, что тебя услышат и поймут, а его вид навевал мысли о родине, семье и родных. О Апулия, о Бари. И я направился в этот храм.

Пройдя по знойной дороге битых два часа, я очень пожалел, что не взял лошадь, и теперь отчаянно ругал себя, сжимая челюсти так сильно, что уставшие скулы начинало ломить. «Не из спокойных мой характер, надо полагать, – подумал я, – ведь я здесь воин – римский воин».

Прыти моей из-за усталости поубавилось. Но я наконец-то добрался до этого храма, оказавшегося вовсе не так близко – не менее 80 стадий (около 15 километров). Это был храм бога Митры, столь почитаемого в Римской империи. Лик бога Солнца приветствовал путника и как будто приглашал лег-

кой улыбкой в святилище для обретения покоя и восстановления силы тела и духа.

В храме в лицо сразу же ударил сладковатый запах благовоний и дым какой-то до боли знакомой травы, проникавший в глубь меня и моего сознания. Этот дым проходил будто сквозь все тело, и я сделал еще пару шагов, еще шаг, и из глаз полились слезы. Я упал на колени от боли в груди, сковывающей все мое тело...

В голове появился какой-то странный гул, какой-то протяженный звук. Не знаю, как долго я плакал, опираясь на колени, но когда открыл глаза, увидел почти пустой амфитеатр, погасшие огни сцены и человека, поднимающегося по лестнице ко мне с благожелательным видом. И первой же моей мыслью было – слава Богам, это закончилось.

Глава 2

Что это было?

Человек подошел ко мне и спросил, все ли у меня хорошо. На удивление, я не смог ответить по-русски. Мне удалось выдать из себя только:

– Bene est omnibus (Все хорошо).

Реакция человека была неоднозначной, но он не растерялся и тут же на ломаном английском попытался что-то мне сказать и помочь покинуть зал. Я, кивая на его фразы, последовал за ним и вышел из театра на вечернюю летнюю улицу Москвы, где был такой вкусный и неповторимый запах лета и мегаполиса одновременно, что у меня слегка закружилась голова. Я обожал этот запах, где ароматы от кафе и ресторанов перемешиваются с ароматами людей и машин, деревьев и старых московских улиц.

Выйдя из здания театра, я сел в свой автомобиль и сперва даже не думал о том, что же со мной приключилось. Я просто пребывал в состоянии полного безмолвия разума и тела, когда голова ни о чем не думает и не переживает, а тело ослаблено и приятно опустошено. «Какой же это кайф», – подумал я, как вдруг постепенно начало возвращаться ощущение другой реальности, четких образов и картинок Клеменса и Корнелиуса, Иерихо и кулака центуриона, удар которого

начал отчетливо чувствовать на моем лице.

Я проиграл в голове все, что со мной случилось. Это не было похоже на сон или бред. Это не было похоже на мираж или гипноз. Я однозначно присутствовал там, я четко все видел и чувствовал. Надо срочно выяснить, что же это было.

В голове сразу же всплыл друг по институту, который занимался парапсихологией и оккультными науками с юности. Я и сам по молодости начал было увлекаться чтением алхимических трактатов средневековых ученых, но, ничего особо не поняв в них, забросил это дело. Метафизика, хоть и манила, но здравый смысл хирурга во мне побеждал.

Я позвонил Сергею, который был очень удивлен моему звонку, и, рассказав вкратце о том, что со мной случилось, получил в ответ лишь короткое: «приезжай», – и он назвал адрес... Не прошло и получаса, как я уже стоял возле двери его квартиры.

Сергей, поприветствовав, тут же ушел на кухню, пригласив меня за собой. Я разулся и проследовал за ним. Недолго думая, я присел за стол и принялся рассказывать все, что со мной приключилось, с самого начала и в подробностях.

Сережа очень внимательно смотрел на меня, и по ходу моего повествования лицо его то расплывалось в улыбке, то вновь становилось очень серьезным. Когда я закончил свой рассказ, он сообщил мне, что я увидел свое прошлое воплощение.

– О эврика! – воскликнул я с иронией. – Простое вопло-

щение – всего-навсего! И ежу понятно, что это память из прошлого воплощения. Что дальше-то?

Сергей был озадачен, почему я вспоминал воплощение, участвуя там именно своей личностью Константина, своим нынешним «Я», но не памятью или сознанием Клеменса. Обычно столь глубинное погружение личности в прошлые воплощения не происходят с переносом личности оператора.

На вопрос Сережи, пил ли я что-то или курил, он тут же ответил сам: «Ну конечно НЕТ! Ты же не куришь и не пьешь, действительно!»

– Вот это странно, – сказал Сережа. – Люди вспоминают прошлые воплощения фрагментарно, но не так явно. Только под гипнозом человек может вспомнить свое прошлое воплощение так реально, но, как правило, он потом ничего не помнит. Или память приходит во сне. Но чтобы вот так – переместившись на несколько часов и проживая их там, как наяву.

– Да, видимо, Иисусы Христы ввели меня в транс, и я улетел.

– Но транс не даст такого участия твоего «Я» в том воплощении. Я еще никогда не сталкивался с таким! – Сережа говорил задумчиво и слегка нервничая. – Вот блин, занимаешься десятками лет духовными практиками, лишь бы какой-нибудь эффект заиметь, а тут – на тебе, приезжает тот, кто не делал никогда ничего, и выдает тираду о римском ле-

гионере. Куда катится этот мир!

– Хватит сокрушаться. Ты мне лучше скажи, что делать? А что если вновь накроет?! Я же хирург, мне нельзя, чтобы меня вот так вышибало на ровном месте. Может, я схожу с ума и мне нужно к психиатру?

– Ага, и что он сделает? Напичкает тебя психотропами и выдаст справку, что ты почти здоров? А как раз, если тебя вновь накроет, то это было бы вовсе не плохо для разъяснения ситуации. Давай-ка мы попробуем тебя сейчас ввести еще раз в состояние транса и туда закинуть, коли у тебя сознание еще подвижно и не прошел эффект от предыдущего перехода?!

Я глубоко задумался. Оценил все риски и предпочтения. Опыт очень интересный, к тому же завтра у меня выходной.

– А давай. Что надо делать?

И Сережа тут же спохватился и, крикнув: «Идем сюда!» – убежал в зал, где начал лихорадочно зажигать свечи и ароматические палочки, которые пахли очень и очень знакомыми ароматами.

С минимальной неуверенностью я посидел еще немного на кухне, дабы собраться с духом.

Надеюсь, все пройдет хорошо. В любом случае, это дело нужно прояснить. И, сделав глубокий выдох, я встал и пошел в зал, где Сережа уже всюду раскручивал пространство.

Пока я делал эти пять шагов из кухни к залу, чувствовал, что мое сознание уже начало растекаться и уходить из-под

контроля. А когда Сергей уселся в позу лотоса и пару раз пропел звук «Аум», у меня возник эффект дежавю. Я это уже видел! Комната наполнялась дымом и запахами, звук «Аум» протяжно откликался где-то в душе, и мое сознание начало наливаться тем знакомым чувством тревоги и необратимости, которое было и тогда, в первый раз. Комок в груди, появившийся изнутри, начал сжимать меня в позу эмбриона, я упал на колени, и слезы покатались из моих глаз сами собой. Я снова начал вспоминать!

Глава 3

Возрождение!

Слезы закончились, как мне показалось, довольно быстро, и я, подняв голову, увидел, что стою на пороге храма. Я вновь Клеменс! «Ёшкин-матрёшкин», – сказал я по-русски так коряво и с акцентом, будто заправский баварец. И тут же увидел человека, сидящего в конце длинного зала этого странного храма, снаружи казавшегося в длину не более чем двадцати шагов, а на деле – не меньше ста!

Я встал, оправившись от слез, и зашагал к человеку.

Пока шел, осознал, что раньше я никогда не плакал. Эта сентиментальность начала даже слегка раздражать меня. Подойдя к человеку, я поприветствовал его по римским традициям, от сердца к солнцу, Ave, Caesar.

Кресло, на котором сидел человек, стояло на небольшом пьедестале, вызывая ассоциации с царским тронem. Незнакомец указал перстом на второе кресло в трех шагах от себя. Я сел и попытался тут же начать говорить, однако был остановлен жестом руки этого человека и замолчал. Так мы сидели в полной тишине еще около десяти минут, а когда я вновь попытался заговорить, то был опять остановлен жестом, – это начинало злить и навевать ту самую тревогу от невозможности контролировать реальность. Повсюду стояли

полумрак и дымка. «Такие спецэффекты храменные товарищи делать умеют. Нанести жути и мистики», – подумал я раздражительно. К тому же в расположение когорты я должен был попасть до заката, который уже приближался.

Мой изрядно вспыльчивый характер был мне неподвластен. Я такого никогда не замечал в рассудительном Константине. «Похоже, у меня едет крыша», – поставил диагноз я сам себе.

В храме нас было двое. Лица человека я никак не мог разглядеть, но мне почему-то казалось, что это седой старец. И вдруг он резко и легко вскочил, сделал два шага к моему креслу и уставился на меня.

Передо мной стоял молодой человек лет двадцати от роду, с абсолютно голубыми, как адриатика, глазами, с русыми волосами и легкой улыбкой сорванца. Его глаза смотрели не на меня, а как будто в глубь меня, в глубь головы, тела, души. Я ощутил себя малым ребенком, о котором знают все.

– Ну давай, Клеменс, начинай рассказывать свои небылицы, – произнес он, вышагивая взад-вперед.

– Небылицы! Какие небылицы! Почему небылицы?! Ты не можешь знать, о чем я хочу рассказать.

– Константин, ближе к делу. Тебе ведь надо было меня кое о чем расспросить. Вернее, не лично меня, но надо. Так задавай же свои вопросы побыстрее.

От этой его дерзости и всезнания у меня помутился рассудок, я злился и одновременно чувствовал себя бессильным,

не понимал, что говорить, поэтому просто молча отвернулся с нахмуренным лицом в знак протеста и сделал глубокий многозначительный вздох, а сам старался расслабиться и прийти в чувство в эти секунды затишья перед бурей, дабы сформулировать пресловутые вопросы.

– Ладно, давай я тебя расслаблю, – весело сказал этот чудодей.

И он прикоснулся к моей груди ладонью, жар которой я почувствовал даже через кожаный доспех.

Я вдруг ощутил, как будто тяжелый камень, распирающий меня изнутри, мешающий мыслить, выпал из груди, подобно сброшенному балласту, и мне тут же стало легче дышать и в голове наступило прояснение.

– Как? Как ты это сделал? Кто ты такой? Что происходит?

– Все в порядке, успокойся. На самом деле ты легионер из Апулии. Урожденный римлянин. Потомок этрусков. Зовут тебя Клеменс Флавий. А происходит то, что ты начал вспоминать свое будущее воплощение, которое произойдет через... примерно две тысячи семнадцать лет!

– Как это – будущее воплощение, какое будущее воплощение? Я же Константин из России, из Москвы, я же помню всю свою жизнь, я же был на шоу двойников, а потом меня переклинило, и я оказался здесь!

– Ты будешь Константином, Клеменс. Но не скоро... прежде нам предстоит сделать кое-что очень важное, то, ради чего стоит жить.

– Это что – перемещение во времени? Слушай, объясни нормально, а то я в полном непонимании, как тебя там?!

– Хочешь, зови меня Иешуа, хочешь – Кришна, хочешь – Дионис, хочешь – Митра. Сколько имен не давали мне за последние пять тысячелетий и сколько еще до этого. М-да, отдохнул Отец на вас за эти годы, придется исправлять немало всего.

– Ты – Иешуа, ты – Иисус?! Ты что, Бог? Это как? И что надо исправлять? Расскажи толком, что происходит?

– Ты историю в школе хорошо учил?

– Не жалуясь, неплохо.

– Хорошо. Представь, что очень скоро меня предадут, поймают, распнут, объявят мессией, начнут всех кормить моей плотью и спаивать мою кровь, в мою честь будут убиты миллионы ни в чем не повинных людей в псевдорелигиозных войнах, все новые и новые апологеты, извращая мои знания, будут обосновывать свои секты и называть себя мессиями, и между ними возникнет война, которая будет длиться сотни и тысячи лет. Моим именем уничтожат целые народы Нового Света, убьют миллионы прекрасных дев, ведающих матерей и ведающих мужей в Старом Свете, что были людьми знаний, а не веры. После моего распятия начнется самая страшная веха в истории мира и человечества. И как ты думаешь, кто и ради чего меня распнет? И кто со столь рьяным желанием захочет захватывать мир и убивать миллионы, говоря всем, что именно я так хочу и что это великое благо для всех,

насаждая рабскую идеологию огнем и мечом?

– То есть ты хочешь сказать, что кто-то тебя убьет и твоим именем будут твориться величайшие злодеяния в течение двух тысяч лет?! И вся история человечества, доселе известная, – это вой на непосредственно против человечества за счет веры людей, за счет создания религий?

– Несомненно! А ты как думал? До моего распятия ничего подобного не было. Был просвещенный мир шумерской и египетской цивилизаций, римской культуры, полученной в наследство от этрусков. На севере царит Великая нравственность и культура славянских, сарматских и скифских народов, древнейших народов земли, живущих в природе и славящих свой Род и предков, как основу жизни на земле, но которых тоже уведут во тьму и забвение и обзовут дикарями и варварами, выступая супротив них каждый век и получая от них отпор, но шакалы, возвращаясь в свои логова, вновь будут точить на них зуб. А на западном континенте красные народы, живущие также в тончайшей связи с живым миром, с миром растений и животных, будут почти полностью истреблены и извращены горе-колонизаторами. На востоке же существовало аутентичное высочайшее знание желтых народов о физическом теле и душе человека, об их соединении, и это тоже предадут забвению и забудут их великое единое прошлое, заменив это все пластмассой и дешевыми джинсами, разрушенным институтом семьи и безобразным образом жизни, в основе которого поклонением зо-

лотому тельцу и фастфуду, гомосексуализму и Гоморре. Но никто и не задумается, что ни один народ или раса, ни одна нация или государство не выживет на земле без поддержки другого. Все четыре народа – белый, желтый, красный и черный – все они призваны блюсти свои традиции и свои границы ровно так, как было испокон веков и тысячелетий заповедано их предками, жившими в тончайшем равновесии, благодаря чему планета жива до сих пор, а не уничтожена, как планета Фазтон, или выжжена, как Марс! Но нарушение же этого равновесия между народами влечет страшную беду, Клеменс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.